

Полевые исследования

Родины нашего страха: рецепция фильма Юрия Дудя «Колыма» в социальных сетях¹

DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.2

Ссылка для цитирования:

Хлевнюк Д. О., Максимова А. С. Родины нашего страха: рецепция фильма Юрия Дудя «Колыма» в социальных сетях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 4. С. 28–46.

DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.2>

For citation:

Khlevnyuk D. O., Maximova A. S. (2021) Birthplaces of Our Fear: Reception of Yuri Dud's Documentary "Kolyma" in Social Media. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 4. P. 28–46. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.2>

Хлевнюк Дарья Олеговна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: dkhlevnyuk@hse.ru

Максимова Алиса Сергеевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: asmaksimova@hse.ru

В статье рассматривается рецепция документального фильма журналиста Юрия Дудя «Колыма — родина нашего страха» (2019) в социальных сетях. Интернет-пользователи в своих комментариях пишут не только о советских репрессиях, которым посвящен фильм; они также обсуждают травматический опыт недавнего прошлого — позднесоветский период, распад СССР, 1990-е годы, современные проблемы. В результате анализа комментариев в YouTube мы выделяем два нарратива о травме. Первый нарратив основан

¹ Исследование выполнено в рамках проектной группы «Онлайн формы коллективной памяти: культура соучастия и "публичные истории" в YouTube», реализуемой на факультете коммуникаций, медиа и дизайна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

на представлении о том, что травму составляет нарушение гражданских прав человека, второй сфокусирован на нарушении социально-экономических прав. В зависимости от того, какие права зрители считают ключевыми и на какие обращают большие внимания в связи с просмотром фильма, в комментариях и постах в социальных сетях появляются разные темы. В случае гражданских прав это современные политические репрессии в России, имена известных политических заключенных, отсылки к заметным протестным акциям. В случае социально-экономических прав это приватизация, олигархи, экономические реформы, неравенство. Для тех, кто говорит о нарушении социально-экономических прав, характерно положительное отношение к СССР и критическое отношение к капитализму. Такие темы, как коррупция или проблемы пенитенциарной системы в России, являются промежуточными — они служат важным символом в обоих нарративах. Исследование проясняет, как формируется нарратив о недавнем прошлом и событиях настоящего времени как культурной травме. Мы также показываем, как этот процесс происходит в социальных сетях с участием не только публичных фигур, но и обычных пользователей.

Ключевые слова: сталинские репрессии; культурная травма; коллективная память; социальные сети; гражданские права; социально-экономические права

Введение

Вышедший в 2019 году фильм Юрия Дудя «Колыма — родина нашего страха»¹ запустил новый виток дискуссии о памяти о репрессиях в России. В рамках этих дискуссий высказывались привычные уже аргументы и в пользу того, что о репрессиях нужно помнить, и в пользу того, что репрессии — выдумка и не так страшны, как показано в фильме. Особенно заметны эти дискуссии были в социальных сетях — как под самим фильмом, так и в отдельных постах, посвященных видео (например, «ВКонтакте»). Этим темам было посвящено большинство комментариев пользователей. Однако помимо темы репрессий в комментариях появлялись и другие темы. Разговор о травматическом советском опыте мотивировал зрителей обсуждать травматический опыт недавнего прошлого — позднесоветский период, распад СССР, 1990-е годы, современные проблемы.

Конечно, эти сюжеты встречаются в отзывах и комментариях зрителей гораздо реже, чем тема советских репрессий. Ведь именно советские репрессии — главная тема фильма. Тем не менее появление этих упоминаний свидетельствует о постепенно разворачивающейся дискуссии о более современных трагических событиях российского общества и о формировании новых нарративов о них. В данной статье на основе анализа комментариев

¹ Колыма — родина нашего страха. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oo1WouI38rQ> (дата обращения: 12.05.2021).

в YouTube к фильму Дудя мы опишем, как пользователи социальных сетей реагируют на поднятую тему советских репрессий и как пишут о травматичных событиях. В результате мы выявим, какие нарративы об этих событиях формируются и вокруг чего они строятся.

Память о трагических событиях: культурная травма

При изучении коллективной памяти ученые часто обращаются к исследованиям памяти о трагических событиях, при этом вполне конвенциональным стало использования термина «культурная травма» при описании этого опыта. Понятие «культурная травма» применяется достаточно широко в исследованиях коллективной памяти: о вьетнамской войне [Eyerman et al., 2017], о Хиросиме [Saito, 2006], о Чернобыле [Zhukova, 2016], об Афганской войне [Черныш, 2011], и даже в работах, предсказывающих возможные условия формирования культурной травмы коронавируса [Demertzis, Eyerman, 2020]. Примечательно, что сам фильм «Колыма — родина нашего страха» представляет репрессии как травматичное событие, а не просто исторический факт или отдельную, оставшуюся далеко в прошлом трагедию. Фильм заявляет, что советские репрессии повлияли на все общество и нанесли отпечаток на более поздние поколения.

В исследовании мы применяем понятие «культурная травма», так как оно позволяет говорить о социальных и культурных процессах обсуждения прошлого. Значения (в том числе «травматичность») не предзаданы событиям изначально — они формируются и оспариваются различными акторами, такими как историки, журналисты, писатели, политики, лидеры мнений, непосредственные участники (например, жертвы и их родные), обычная публика. Прежде чем перейти к анализу, мы хотим сделать несколько оговорок относительно того, как именно мы используем понятие культурной травмы.

Как и понятие «коллективная память», термин «культурная травма» много критикуют за аллюзию на психологическое явление травмы [Kansteiner, Weilnböck, 2008]. К примеру, в своей концепции Петр Штомпка описывает культурную травму как «травматический процесс»: потенциально травматическое событие; дезорганизация культуры и связанная с этим культурная дезориентация акторов; травматические события, непосредственно влияющие на жизненные миры людей; состояние травмы (в том числе ментальные и поведенческие симптомы травмы); адаптация к травме; преодоление травмы [Sztompka, 2004]. Иными словами, он отчасти переносит психологические механизмы травмы на уровень общества, а отчасти определяет культурную травму как некое коллективное событие, выражающееся потом в индивидуальных травмах.

Мы следуем трактовке Рона Айермана и школы культурсоциологии [Александр, 2012; Alexander et al., 2004; Eyerman, 2001; 2008]. Во-первых, культурная травма не «наносится», а конструируется сообществом. Если общество считает некое событие важным, разрывающим ткань нормальной

жизни и опасным для норм и устоев общества, это событие потенциально может стать культурной травмой. Становится оно таковой только в том случае, если появляется группа, работающая над созданием образа этого события как травматичного для всего сообщества. Для этого используются разные формы медиа и коммеморации. Важно, что, во-первых, участники группы необязательно испытывают психологическую или, тем более, физическую травму в связи с событием, ставшим «культурной травмой». Во-вторых, следующие поколения могут считать событие «культурной травмой», даже если они сами в это время еще не родились.

Иными словами, мы фиксируем, что какое-то событие стало культурной травмой по своим последствиям. Очевидно, что изначально это должно быть не просто событие, а, как пишет Айерман, «прореха в ткани общества» [Айерман, 2016]. Не любое событие можно интерпретировать как культурную травму. Однако, согласно нашему использованию этого термина, до того, как сообщество не начинает конструировать это событие как травматическое, культурной травмой оно не становится. Это не означает, что данные события не являются травматичными в буквальном значении слова. События, с которыми связаны культурные травмы, описанные в данной статье, были, несомненно, травматичными для множества людей, в том числе для пострадавших от советских репрессий и их родных и близких или потерявших работу и вынужденных бороться за выживание в новой действительности после распада СССР. Однако мы не оцениваем аутентичность травм. Посты и комментарии, с которыми мы работаем, могут быть написаны людьми, непосредственно пережившими эти события или нет, имеющими травматический опыт или нет. Нам важно, что они создают коллективную память об этих событиях как о событиях травматичных для них и для общества, и в этом смысле формируют культурную травму.

Ключевую роль в формировании культурной памяти играют медиа и группы-носители. Именно они могут убедить аудиторию, сообщество в том, что то или иное событие является важным и травматичным для этого сообщества. Рон Айерман, анализируя политические убийства, показывает, что «даже реконструированное в массмедиа происшествие — и, в частности, политическое убийство, — не становится значимым событием до тех пор, пока аудитория не начинает его воспринимать как таковое» [Айерман, б. д.]. К примеру, убийство Тео ван Гога, нидерландского кинорежиссера, было воспринято публикой как покушение на западные ценности и свободы, а потому описывалось не только как частная трагедия, но как общая культурная травма. Огромную роль в этом процессе сыграли нидерландские интеллектуалы, чьи выступления в средствах массовой информации укрепляли именно такое значение этого события в глазах публики [Eyerman, 2008].

Интернет и социальные сети распространяют представления о событиях как о культурных травмах [Lazar, Litvak Hirsch, 2012; Ostertag, Ortiz, 2013]. Те, кто считает себя частью сообщества «травмы», формулируют свои нарративы или распространяют уже существующие трактовки.

Интернет и коллективная память

Распространение Интернета значительно повлияло на современную культуру памяти. Она стала быстрее, обширнее и, в некотором смысле, коллективнее. Благодаря тому, что Интернет доступен на таких портативных устройствах, как мобильный телефон, человечество создает огромное количество индивидуальных воспоминаний, доступных всем. Воспоминания встраиваются в глобальную сеть, то есть и сама коллективная память становится сетевой [Hoskins, 2009]. В некоторых случаях они образуют часть коллективной памяти — к примеру, когда люди фиксируют какие-то значимые события [Hoskins, 2007]. Фото или видео случайных наблюдателей могут моментально разлететься по Сети и стать репрезентацией этих событий [Papailias, 2016]. Соответственно, и наоборот, благодаря Интернету любой человек может оказаться свидетелем «глобальных событий» и частью коллектива, которая будет непосредственно их помнить, нести их в своей коммуникативной памяти.

В данной статье нас интересуют изменения, связанные с так называемой культурой соучастия — возможностью формировать нарративы об истории коллективно. В некоторой степени это измерение памяти можно считать частью современной конвергентной культуры [Дженкинс, 2019]: мы наблюдаем не только соучастие акторов, совместную работу разных медиаплощадок, но и разнообразие «продукции» исторических нарративов, в котором любой пользователь может найти интересующие его представления о прошлом. Интернет, а в особенности социальные сети, дали техническую возможность совместного создания нарративов и интерпретаций прошлого. Деление на авторов нарративов и аудиторию утрачивает значимость: аудитория сама становится соавтором, пополняя страницы групп в социальных сетях, делая перепосты чужих текстов и изображений на своих личных страницах и так далее. Да и сами нарративы о прошлом переформатируются под интернет-формат — например, появляются мемы на исторические темы [Shifman, 2014]. В этом смысле, конечно, немаловажен выбор платформы акторами памяти. К примеру, репрезентации истории в «Википедии» [García-Gavilanes et al., 2017; Gustafson, 2012] и в YouTube [Knudsen, Stage, 2013] могут значительно различаться по форме.

Распространение Интернета привело не только к развитию разнообразных исторических нарративов, но и к появлению множества акторов памяти. Уже упомянутая культура соучастия фактически означает, что каждый человек потенциально может стать актором памяти. В конце концов, в отличие от традиционных форм увековечения памяти (например, памятники или музеи), их интернет-формы не требуют чрезвычайных затрат [Ксенофотова, 2011; Foot et al., 2005; Hess, 2007; Recuber, 2012]. Доступность Интернета как площадки для формирования исторических нарративов ведет и к ее «демократичности». Интернет может становиться пространством формирования контрпамяти [Foucault, 1977], альтернатив доминирующему нарративу [Birkner, Donk, 2020].

В России онлайн-сражения по поводу спорных событий, в особенности связанных с советской историей, привычны и нередко становятся предметом изучения [Kukulín, 2013; Trubina, 2010]. Популярность именно советской истории

в этом контексте неудивительна. С одной стороны, до сих пор достаточно распространена ностальгия по СССР [Boym, 1995; Lee, 2011]. С другой — одним из ключевых событий истории XX века для многих россиян остается Великая Отечественная война и победа в ней, о чем свидетельствуют, в том числе, и опросы общественного мнения¹. Анализ русскоязычных социальных сетей показывает, что руководство Сталина во время войны пользователи нередко считают ключевым фактором победы [Головашина и др., 2017]. Наконец, сама фигура Сталина остается противоречивой и потому обсуждаемой [Khlevnyuk, 2019].

Данная статья основана на анализе комментариев к YouTube-фильму Юрия Дудя «Колыма — родина нашего страха». Юрий Дудь — независимый российский журналист, который в последние несколько лет стал знаменитым как автор YouTube-канала и интервьюер. На своем канале Дудь выпускал интервью с известными медийными личностями: поп-звездами, бизнесменами, политиками, комиками, — и прославился, помимо прочего, вопросами «в лоб» о деньгах и личной жизни, которые задавал своим гостям. Выбор популярных собеседников и доступный формат роликов позволили достичь большого числа подписчиков канала и просмотров. На август 2021 года у канала более 9 миллионов подписчиков, а самые популярные видео набирают более 30 миллионов просмотров.

С 2019 г. Дудь обретает статус не просто журналиста, но лидера мнений. Со своей командой он создал ряд документальных фильмов на серьезные темы (включая «Колыму», а также, например, вышедший несколькими месяцами позже фильм о Беслане), а он сам все чаще высказывается о текущих социально-политических событиях и проблемах и озвучивает свою гражданскую позицию.

В комментариях, с которыми мы работали в исследовании, многие отмечают, что, хотя им были неинтересны или даже неприятны «старые» интервью Дудя с его гостями, фильм о Колыме вызвал у них уважение и заставил изменить мнение об авторе канала. А то, что «Колыма» появилась именно на канале Дудя, по всей видимости, привлекло к фильму новую и широкую аудиторию, в том числе тех, кто мало знал о репрессиях. Фильм посмотрели миллионы людей, у тысяч пользователей он вызвал желание поделиться им в социальных сетях, написать собственный пост или оставить комментарий на официальном канале Дудя. Такой охват дает возможность изучить, как люди восприняли фильм и его идеи и отреагировали на них.

Методология

Эмпирическую базу данного исследования составили 9608 наиболее популярных комментариев к видео (то есть комментариев, собравших больше всего «лайков» от других пользователей). Большинство комментариев содержат положительные реакции на фильм, отсылки к содержанию фильма (повторение

¹ День Победы // Левада-Центр. 08.05.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/05/08/den-pobedy-4/> (дата обращения: 11.10.2020). — Данный материал создан российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

наиболее ярких цитат и т. д.), автору, Юрию Дудю, советским репрессиям, встречается критика. Нас интересовали комментарии, в которых пользователи писали о страхе, травматическом, негативном опыте, о трагических событиях, поскольку, согласно теории «культурной травмы», события становятся таковыми лишь в том случае, если члены сообщества тематизируют их как негативные, трагические и травматичные. Далее мы закодировали комментарии согласно тому, к какому периоду времени пользователи относят свои негативные оценки. Ожидаемо, большинство этих комментариев были посвящены обсуждению сталинских репрессий. Однако 532 комментария были посвящены более современным событиям, относящимся к условным 1990-м годам и к современной России. При этом «1990-е» понимаются расширительно, не столько как конкретная декада, сколько как переходный период, который начинается с перестройки и заканчивается с уходом Бориса Ельцина с поста президента.

Далее эти комментарии были закодированы в соответствии с темами, событиями и проблемами, которые в них поднимались. Обобщение данных комментариев позволило нам сформулировать гипотезу о том, что комментаторы обращаются к двум типам культурных травм: нарушению социально-экономических прав и нарушению гражданских прав. Под текстами, посвященными «гражданским правам», мы понимаем те, в которых упоминались политические заключенные (коды «Навальный», «Фургал»), известные протесты или проблемные точки («Шиес», «Крымский мост» (в связи с непостроенным мостом в Якутске, о котором говорит Дудь в своем фильме), «Байкал», «Норильск», «Сирия», «леса в Сибири», «Камчатка»), политические фигуры (в первую очередь код «Путин»), а также «современные репрессии» в целом. Под текстами, посвященными «социально-экономическим правам», мы понимаем те, в которых пользователи писали об экономических проблемах в стране (коды «коррупция», «упадок»), и негативные отзывы об экономической системе в целом (код «капитализм»).

Нарушение гражданских прав как травма

Центральная идея документального фильма Юрия Дудя — поиск в советских репрессиях истоков российского желания «не высывываться». Он утверждает, что старшему поколению присущ особый страх, который заставляет людей быть пассивными, когда нарушаются их права.

«Не знаю, как у вас, но всю свою жизнь я слышу от родителей: ну, будь осторожен, ну, не привлекай к себе лишнее внимание, не высывывайся — это очень опасно; и вообще, мы простые люди — от нас ничего не зависит. Мои родители — прекрасные люди, я безумно их люблю. Но они говорят все это десятилетиями — даже в тех ситуациях, где очевидно нарушается здравый смысл, где творится несправедливость и где мы точно правы»¹.

¹ Колыма — родина нашего страха. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oo1Woul38rQ> (дата обращения: 20.05.2021).

Фильм Дудя, конечно же, задает определенную рамку его восприятия. Так как фильм посвящен в первую очередь политическим репрессиям, эта тема оказывается одной из самых заметных в отзывах зрителей. Многие пишут, что видят сходства между современной ситуацией и прошлым, в том числе в отношении людей к прошлому и к настоящему. Когда зрители обнаруживают, что некоторые герои фильма, пострадавшие от репрессий, положительно относятся к Сталину, они отмечают в комментариях параллели:

«1:46:50 — Как вы относитесь к И. Сталину? — Он был большой молодец. Победил в войне, поднял страну. Все те ужасы ведь творил не ОН, были другие исполнители... А сейчас, что?»¹

Причины арестов в сталинское время, обсуждаемые в фильме, напомнили некоторым зрителям новые законы и правоохранные практики. В том числе комментаторы пишут о том, что и сейчас сажают за комментарии в социальных сетях и репосты. Несколько раз в массиве комментариев встречаются отсылки к конкретным делам, которые зрители считают политическими, в том числе аресты Алексея Навального и Сергея Фургала.

«В какой-то момент в видео прозвучал вопрос: “Могут ли повториться репрессии?” Я считаю что сейчас они уже начались снова, да не так открыто и яростно, но тем несением у нас сажают митингующих, оппозиционеров, людей которые высказываются против правительственной системы»².

Этой интерпретации фильма соответствует и публичное выступление самого Дудя накануне оппозиционной акции протеста 10 августа 2019 года. 8 августа он опубликовал пост в Instagram, посвященный протестам, который получил широкую поддержку и активно распространялся в социальных сетях. В нем Дудь не ссылается на «Колыму» напрямую, но в целом повторяет свою идею: критикует «аполитичных», которые стремятся быть в стороне от любых политических событий в стране («наша инертность привела к тому, что любая политическая конкуренция уничтожена»³), и подчеркивает важность участия в протесте. Как видно по социальным сетям, цитируя это сообщение Дудя, пользователи вспоминают «Колыму», вышедшую за три месяца до этого.

Параллели, проводимые зрителями, между современными и прошлыми политическими решениями и нарушениями гражданских прав, наталкивают их на размышления о причинах этих параллелей. Некоторые зрители считают, что современная политическая система является продолжением советской, и в том числе сталинской, системы. Эту преемственность они объясняют

¹ URL: <http://www.youtube.com/channel/UCSy13bM2kPIZX5TGOuYXSxbg> (дата обращения: 21.05.2021).

² URL: <http://www.youtube.com/channel/UCyxBC-yQXpA2eov2xccJdFQ> (дата обращения: 21.05.2021).

³ Инстаграм Ю. Дудя. URL: https://www.instagram.com/yurydud/?utm_source=ig_embed&ig_rid=3daca361-c674-48b6-88c0-b5f4ef44c781 (дата обращения: 22.05.2021).

родственными связями (реальными или символическими) тех, кто находился и находится у власти. Несколько раз среди комментариев появляется рассуждение о том, что сейчас *«дети тех чекистов, издевавшихся над нашими предками, правят сейчас нами»*¹. Некоторые зрители, впрочем, считают, что мы наблюдаем возвращение политической системы (это, по-видимому, предполагает, что какое-то время в России были другие политические практики). Кто-то допускает, что фильм Дудя поможет предотвратить это возвращение, откроет глаза на происходящее в современной России (*«Юра, спасибо тебе и твоим соавторам огромное. Больше таких работ нужно, потому что наше общество опять в шаге от этой пропасти»*²). Другие предполагают, что это возвращение уже началось и новым поколениям еще предстоит увидеть то, о чем в фильме Дудя рассказывали очевидцы сталинских репрессий (*«Все это было-б хорошо ели бы не было тревоги за цикличность истории. Мальчики у вас есть шансы ощутить все ЭТО на собственной шкуре»*³).

Обсуждение гражданских прав и политических репрессий встречается в основном применительно к современной России, которую условно можно обозначить как Россию с 2000 года. Другой период, о котором пишут в комментариях, 1990-е годы, редко связывается комментаторами с травмой нарушения гражданских прав. Один из редких примеров таких комментариев описывает события 1993 года.

*«Родина нашего страха-это Москва в октябре 1993 года. Когда ветеранов, вышедших на мирный протест, избивали фашиствующие ОМО-Новцы. Когда из танков расстреливали законно избранный Парламент. Когда убивали всех, не разбирая. Христианский поп.14-летний мальчик. Пенсионер из "Трудовой России". Анархист-студент. Иностраннный журналист. Плевать. Стреляй— бог найдет своих»*⁴.

В основном же отсылка к первой постсоветской декаде возникает в связи с попыткой обелить сталинский период. Фильм Дудя рассматривается комментаторами как атака, спланированная то ли зарубежными, то ли внутренними врагами, цель которых — разрушение страны (*«"смелый" вдудь не расскажет про прелести капитализма в эрэфии где находятся в заключении больше людей чем в сталинском СССР, не расскажет что население при благословленном капитализме убывает, в отличие от СССР, ведь за это ему не платят те кто поимел страну и продал ее западному капиталу за копейки, правда им не нужна»*⁵). Те же, кто поддерживает такую деятельность и, в данном случае,

¹ URL: <http://www.youtube.com/channel/UCxxfNjLn3KopzxK8B4qfXbw> (дата обращения: 21.05.2021).

² URL: <http://www.youtube.com/channel/UC7pBuDa8X4B2HAgRKxQm5RQ> (дата обращения: 21.05.2021).

³ URL: http://www.youtube.com/channel/UCRyLZfgW_7DMAPEzva3vRqA (дата обращения: 23.05.2021).

⁴ URL: <http://www.youtube.com/channel/UCBoPK9w7nCAbR7mn8mwJWZQ> (дата обращения: 23.05.2021).

⁵ URL: <http://www.youtube.com/channel/UCOzGTkc0d9p0VbajcHaeCcQ> (дата обращения: 24.05.2021).

смотрит и одобряет фильм Дудя, по мнению авторов подобных комментаторов, сами участвуют в развале современной России.

Впрочем, высказывания о 1990-х преимущественно связаны со вторым типом травмы — нарушением социально-экономических прав.

Нарушение социально-экономических прав как травма

Комментаторы, формулирующие основные положения культурной травмы как нарушения социально-экономических прав, обращают внимание в первую очередь на те эпизоды фильма Дудя, которые повествуют о современном состоянии дел в регионе. Они считают развал СССР и последующую социально-экономическую политику причиной многих проблем, показанных в фильме¹. В этих комментариях встречаются упоминания приватизации и Анатолия Чубайса — с чьим именем в общественном мнении принято связывать многие неудачи ельцинской экономической политики, но уже давно не занимающего сколько-нибудь значимых позиций в политике современной России. С точки зрения комментаторов, в бедности, разрухе, неравенстве и коррупции виноваты те, кто пришел к власти и занял высокое положение в тот период. К примеру, по их мнению, у власти сейчас находятся бенефициарии приватизации 1990-х.

«Как только народ начинает спрашивать про приватизацию, про справедливость, выходит какой-нибудь фильм про ГУЛАГ, Колыму, Сталина, репрессии»².

Отношение к Советскому Союзу в этих комментариях, напротив, бывает вполне положительным. Некоторые зрители, очевидно, ностальгируют по времени своей молодости или детства и считают, что настоящие проблемы начались лишь после распада СССР. С их точки зрения, регион, показанный в фильме «неблагополучным», был вполне процветающим в советское время.

«Ну, давай расскажи, что у меня было не самое счастливое детство на Колыме в пос. Бурхала. И у моего отца, который ровесник Шифри-ну. Да это самые лучшие годы нашей жизни: рыбалка, охота, поездки по ягоды, по грибы, отец вездеходы мастерил, мы с друзьями по окрестным сопкам бегали. А теперь детей и в школу без сопровождения взрослых страшно отпустить. Жили всем поселком одной дружной семьей. Эх... а потом пришли “святые девяностые” и уж нет нашего поселка, когда-то самого красивого на всей колымской трассе. А дед да, сидел

¹ Свидетельства культурной травмы 1990-х годов исследователи встречают и в других материалах: см. например [Касамара, Сорокина, 2014].

² URL: http://www.youtube.com/channel/UCVqwTC7KnpzmSt_GCesr7ew (дата обращения: 22.05.2021).

там. Вот только после отсидки еще 28 лет никак уехать не мог, хоть несколько раз собирался, — не те заработки на материке»¹.

В таких комментариях мы наблюдаем типичные тропы, используемые респондентами в исследованиях, связанных с восприятием перехода от социализма и в России, и в других странах. К примеру, интервью с российской молодежью показывают, что для нее распад СССР — это не только утрата великой державы, но и экономический кризис, разрыв социальных связей, утрата ощущения безопасности [Nikolayenko, 2008]. Сходные результаты показывают и исследования в других постсоциалистических странах [Hilmar, 2021].

В соответствии с этим у тех, кто транслирует идеи культурной травмы, связанной с ущемлением социально-экономических прав, большие вопросы вызывает не политика Сталина, а политика современной российской власти. Если сравнения между сталинским СССР и современной Россией и проводятся, то не в пользу последней.

«Что-то мне подсказывает, что разруха на современной Колыме, которая постоянно мелькала за могучей спиной Юры — это дело рук не Сталина. Наверное, это кто-то другой постарался. И чуть позже Сталина. Кто? Эффективные менеджеры?»²

Некоторые комментаторы обобщают свои ощущения до критики капитализма в целом. Их не устраивают не столько конкретные решения современной власти, сколько переход к новой экономической системе в принципе. Видимо, эти комментаторы считают себя приверженцами социалистических взглядов, поэтому видят в фильме Дудя «заказ» капиталистов, нацеленный на подрыв веры в социализм. Сам Юрий Дудь ассоциируется у части комментаторов с либеральной журналистикой и с капитализмом (этому способствует мем «капитализм, счастье, за**ись» из одного из его видео³, рекламные вставки в роликах и участие самого Дудя в рекламе), поэтому они считают, что точно знают, на какой стороне его симпатии.

«У жены семья была репрессирована и выслана в Казахстан дед пропал без вести на просторах ГУЛАГа в моей семье деда тоже раскулачили и выслали на Урал. Жил он в поселке в простонародье называемым кулацким, я в детстве как-то об этом не задумывался, а просто любил деда и свою страну. Жил с чувством что живу в лучшей стране мира и был уверен в своем будущем и будущем своих детей, Дед простой крестьянин доработался до машиниста поезда, а все его внуки были уже с высшим образованием. Да мы были простые люди, но от нас зависело

¹ URL: <http://www.youtube.com/channel/UCwbyT06sx15AKG7rxqROo6A> (дата обращения: 23.05.2021).

² URL: <http://www.youtube.com/channel/UCvCIVS-nTf13lo0fDwXhMPA> (дата обращения: 24.05.2021).

³ Тиньков — о Путине, Навальном и телках. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7yzZcAj24AI&t=623s> (дата обращения: 24.05.2021).

многое, а самое главное от нас зависело наше будущее, мы сами строили его. А теперь меня преследует страх заболеть и потерять работу страх за детей и внуков страх за их будущее, поскольку оно выглядит шатким зыбким и не определенным. Государство (а меня очень мучает вопрос, что такое наше государство, теперь) давно сложило с себя заботу о своих гражданах и только называется социальным, а при этом сворачивает все социальные программы. Писать можно много но все это описывается одним словом — страх»¹.

Травма, связанная с нарушением социально-экономических прав в современной России, описывается и через другие понятные и приземленные категории. Например, зрители много пишут про коррупцию как основную проблему. Проблема коррупции традиционно волнует россиян², так что неудивительно, что и в отзывах на фильм Дудя, где показана в том числе и нынешняя ситуация в Магаданской области, к этой теме обращаются много.

«Недавняя статистика: у депутатов магаданской обл. Думы общий доход 3,7 млрд руб, а у города Магадана 2,5 млрд!!! Город чахнет»³.

В конце фильма Юрий Дудь упоминает о необходимости строительства моста в Якутске и о построенном Крымском мосте. Эта тема также с энтузиазмом была подхвачена некоторыми комментаторами. Другими необязательными государственными тратами, наряду с мостом в Крыму, некоторые зрители считают войну в Сирии и проект национального интернета. В целом тема упадка и разрухи в регионах очевидно волнует часть комментаторов, они живо откликаются на показанные и обсуждаемые в фильме проблемы современной Колымы. В качестве примеров некоторые приводят ситуации в своих регионах.

«"Поехать на материк". Аналогично. И помидоры по 500. И билеты на самолет по 150000. Или купи в октябре на следующий август, но только супер-эконом, "стоячие", без багажа. Отпуск правда в августе могут и не дать, а билеты "невозвратные". Привет с Камчатки»⁴.

В целом можно видеть, что об ущемлении социально-экономических прав в России пишут и те, кто уверен в происхождении этой проблемы из 1990-х и «вине» капитализма, и те, кто не связывает современные проблемы

¹ URL: <http://www.youtube.com/channel/UC6xelShDfhFTIDpqVBwqMRg> (дата обращения: 24.05.2021).

² Уровень коррупции в России: мониторинг. Оценки уровня коррупции с 2009 года и их динамика // Фонд «Общественное мнение». 20.03.2019. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14185> (дата обращения: 25.05.2021).

³ URL: <http://www.youtube.com/channel/UCvkbixAWfxRdawXNNkt-WNQ> (дата обращения: 25.05.2021).

⁴ URL: <http://www.youtube.com/channel/UCg8UjtMN8xAURYxyJh1SMcQ> (дата обращения: 24.05.2021).

с капитализмом и не противопоставляет современность советскому времени. Вероятно, для второй группы травма, которой посвящен фильм, находится в других отношениях с социально-экономическими правами — борьба за гражданские и политические права и их соблюдение первичны и способны решить проблемы социально-экономического толка в стране.

Заключение

В своем документальном фильме «Колыма — родина нашего страха» Юрий Дудь рассказывает об истории советских репрессий. Одновременно он «объясняет» зрителю, что именно со времен и событий ГУЛАГа наследуется страх, который до сих пор мешает людям защищать свои права и заставляет жить с оглядкой на государство, способное в любой момент лишиться свободы, безопасности и даже жизни. Третий компонент фильма — сюжет о современной Колыме и о том, как сегодня в регионе живут обычные люди.

Выход фильма привлек много внимания и спровоцировал активное обсуждение в социальных сетях. И хотя отчасти восприятие зрителей направляется замыслом авторов фильма, они реагируют на разные части сообщения, добавляя свои интерпретации и связывая увиденное с собственным опытом, воспоминаниями и взглядами.

На основе анализа комментариев к видео на YouTube мы показали, как в дискуссиях о «Колыме» формируются нарративы не об одной, а о разных «родинах» страха — о двух культурных травмах. Первая из них выводит на первый план нарушение гражданских прав человека, вторая — нарушение социально-экономических прав. В обоих случаях память касается не только советских событий, но и событий недавнего времени или настоящего. Травма, связанная с нарушением гражданских прав, воспринимается аудиторией как напоминающая политическую обстановку и политические репрессии в современной России. Те комментаторы, которые наделяют приоритетом нарушение социально-экономических прав, говорят о нестабильности, неравенстве, бедности, часто находя истоки нынешних проблем в политических и социальных процессах 1990-х годов, а также противопоставляя современную Россию более благополучному СССР. Несмотря на то, что две травмы во многом видятся альтернативными интерпретациями, есть явления, которые служат важным символом для комментаторов с разными взглядами: это, например, коррупция или проблемы российской пенитенциарной системы. Эти проблемы в определенном смысле связывают между собой представления о нарушениях гражданских и социально-экономических прав.

Литература

Айерман Р. Интеллектуалы и культурная травма. б.д. URL: <https://old.inliberty.ru/library/599-intellektualy-inbspkulturnaya-travma> (дата обращения: 20.05.2021).

Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. С. 40–67.

Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.

Головашина О. В., Линченко А. А., Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 123–133.

Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: РИПОЛ классик, 2019.

Касамара В. А., Сорокина А. А. Представления о прошлом студентов топовых московских вузов // Общественные науки и современность. 2014. № 6. С. 57–69.

Ксенофонтowa И. В. Виртуализация мемориальных практик: интернет-сайт как «книга памяти» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 133–144.

Черныш М. Ф. Историческая травма и память: случай из афганской войны // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 77–87.

Alexander J. C. et al. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, London: University of California Press, 2004. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520936768>

Birkner T., Donk A. Collective Memory and Social Media: Fostering a New Historical Consciousness in the Digital Age? // Memory Studies. 2020. Vol. 13. № 4. P. 367–383. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698017750012>

Boym S. From the Russian Soul to Post-Communist Nostalgia // Representations. 1995. № 49. P. 133–166. DOI: <https://doi.org/10.2307/2928753>

Demertzis N., Eyerman R. Covid-19 as Cultural Trauma // American Journal of Cultural Sociology. 2020. Vol. 8. № 3. P. 428–450. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41290-020-00112-z>

Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511488788>

Eyerman R. The Assassination of Theo van Gogh: From Social Drama to Cultural Trauma. Durham: Duke University Press Books, 2008. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv11smsg3>

Eyerman R., Madigan T., Ring M. Cultural Trauma, Collective Memory and the Vietnam War // Politička misao: časopis za politologiju. 2017. Vol. 54. № 1–2. P. 11–31.

Foot K., Warnick B., Schneider S. M. Web-Based Memorializing After September 11: Toward a Conceptual Framework // Journal of Computer-Mediated Communication. 2005. Vol. 11. № 1. P. 72–96. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2006.tb00304.x>

Foucault M. Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews. Ithaca: Cornell University Press, 1977.

García-Gavilanes R. et al. The Memory Remains: Understanding Collective Memory in the Digital Age // Science Advances. 2017. Vol. 3. № 4. DOI: <https://doi.org/10.1126/sciadv.1602368>

Gustafson D. Cultural Memory and the Royalist Political Aesthetic in Aphra Behn's Later Works // Restoration: Studies in English Literary Culture, 1660–1700. 2012. Vol. 36. № 2. P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1353/rst.2012.0007>

Haskins E. Between Archive and Participation: Public Memory in a Digital Age // Rhetoric Society Quarterly. 2007. Vol. 37. № 4. P. 401–422. DOI: <https://doi.org/10.1080/02773940601086794>

Hess A. In Digital Remembrance: Vernacular Memory and the Rhetorical Construction of Web Memorials // Media, Culture & Society. 2007. Vol. 29. № 5. P. 812–830. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0163443707080539>

Hilmar T. "Economic Memories" of the Aftermath of the 1989 Revolutions in East Germany and the Czech Republic // East European Politics and Societies. 2021. Vol. 35. № 1. P. 89–112. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0888325420902248>

Hoskins A. Digital Network Memory // Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory. Berlin, New York: De Gruyter, 2009. P. 91–108. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110217384.1.91>

Kansteiner W., Weilnböck H. Against the Concept of Cultural Trauma // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin: De Gruyter, 2008. P. 229–240. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110207262.4.229>

Khlevnyuk D. Narrowcasting Collective Memory Online: 'Liking' Stalin in Russian Social Media // Media, Culture & Society. 2019. Vol. 41. № 3. P. 317–331. DOI: <https://doi.org/10.1177/0163443718799401>

Knudsen B. T., Stage C. Online War Memorials: YouTube as a Democratic Space of Commemoration Exemplified through Video Tributes to Fallen Danish Soldiers // Memory Studies. 2013. Vol. 6. № 4. P. 418–436. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698012458309>

Kukulín I. Memory and Self-Legitimization in the Russian Blogosphere Argumentative Practices in Historical and Political Discussions in Russian-Language Blogs of the 2000s // Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States. New York: Routledge, 2013. P. 132–149. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203083635-25>

Lazar A., Litvak Hirsch T. Representing the Group's Cultural Trauma Online // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2012. Vol. 15. № 2. P. 99–102. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2011.0292>

Lee M. Nostalgia as a Feature of "Glocalization": Use of the Past in Post-Soviet Russia // Post-Soviet Affairs. 2011. Vol. 27. № 2. P. 158–177. DOI: <https://doi.org/10.2747/1060-586x.27.2.158>

Nikolayenko O. Contextual Effects on Historical Memory: Soviet Nostalgia among Post-Soviet Adolescents // Communist and Post-Communist Studies. 2008. Vol. 4. № 2. P. 243–259. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2008.03.001>

Ostertag S. F., Ortiz D. G. The Battle over Meaning: Digitally Mediated Processes of Cultural Trauma and Repair in the Wake of Hurricane Katrina // American Journal of Cultural Sociology. 2013. No. 1. P. 186–220. DOI: <https://doi.org/10.1057/ajcs.2013.4>

Papailias P. Witnessing in the Age of the Database: Viral Memorials, Affective Publics, and the Assemblage of Mourning // Memory Studies. 2016. Vol. 9. № 4. P. 437–454. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698015622058>

Recuber T. The Prosumption of Commemoration Disasters, Digital Memory Banks, and Online Collective Memory // American Behavioral Scientist. 2012. Vol. 56. № 4. P. 531–549. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0002764211429364>

Saito H. Reiterated Commemoration: Hiroshima as National Trauma // Sociological Theory. 2006. Vol. 24. № 4. P. 353–376. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2006.00295.x>

Shifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge: MIT Press, 2014. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9429.001.0001>

Sztompka P. The Trauma of Social Change // Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 155–197. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520936768-006>

Trubina E. Past Wars in the Russian Blogosphere: On the Emergence of Cosmopolitan Memory // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2010. Vol. 4. P. 63–85.

Zhukova E. From Ontological Security to Cultural Trauma: The Case of Chernobyl in Belarus and Ukraine // Acta Sociologica. 2016. Vol. 59. № 4. P. 332–346. DOI: <https://doi.org/10.1177/0001699316658697>

Сведения об авторах:

Хлевнюк Дарья Олеговна — PhD, научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** dkhlevnyuk@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 1073265; **ORCID ID:** 0000-0003-1019-2192; **ResearcherID:** AAO-4644-2020.

Максимова Алиса Сергеевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** asmaksimova@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 823027; **ORCID ID:** 0000-0002-6518-3317; **ResearcherID:** K-6855-2015.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2021

Принята к публикации: 03.12.2021

Birthplaces of Our Fear: Reception of Yuri Dud’s Documentary “Kolyma” in Social Media

DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.2

Daria O. Khlevnyuk *HSE University, Moscow, Russia*
E-mail: dkhlevnyuk@hse.ru

Alisa S. Maximova *HSE University, Moscow, Russia*
E-mail: asmaksimova@hse.ru

The article examines reception of the online documentary “Kolyma — the birthplace of our fear” (produced by journalist Yuri Dud in 2019) in social networks. In their comments, internet users regard other topics along with the Soviet repressions, to which the film is dedicated. They discuss the traumatic experience of the recent past, namely the late Soviet period, the collapse of the USSR, the 1990s, and contemporary problems. As a result of analysis of YouTube comments, we identify two trauma narratives. The first narrative is based on the idea of violation of civil human rights, the second focuses on the violation of socio-economic rights. Different topics appear in comments and posts on social media depending on which rights viewers consider key and which they pay more attention to when watching the documentary. In the case of civil rights, these include contemporary political repressions in Russia, names of famous political prisoners, references to recent protests. In the case of socio-economic rights, these topics include privatization, oligarchs, economic reforms, inequality. Those users who comment about the violation of socio-economic rights generally express a positive attitude towards the USSR and a critical attitude towards capitalism. Topics such as corruption or the problems of the penitentiary system in Russia are “inbetween” — they are important symbols in both narratives. The study clarifies how the cultural trauma narrative of the recent past and present-day events is formed. We also demonstrate how this process takes place on social media, and how social media enables participation of ordinary users and not only public figures.

Keywords: Stalin's repressions; cultural trauma; collective memory; social networks; civil rights; socio-economic rights

References

- Alexander J. (2012) Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural Trauma and Collective Identity]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3. P. 5–40. (In Russ.)
- Alexander J. C. et al. (2004) *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, London: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520936768>
- Birkner T., Donk A. (2020) Collective Memory and Social Media: Fostering a New Historical Consciousness in the Digital Age? *Memory Studies*. Vol. 13. No. 4. P. 367–383. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698017750012>
- Boym S. (1995) From the Russian Soul to Post-Communist Nostalgia. *Representations*. No. 49. P. 133–166. DOI: <https://doi.org/10.2307/2928753>
- Chernysh M. (2011) Istoricheskaya travma i pamyat': sluchay iz Afganskoy voyny [Historical Trauma and Memory: The Case of the Afghan War]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 5. No. 6. P. 77–87. (In Russ.)
- Demertzis N., Eyerman R. (2020) Covid-19 as Cultural Trauma. *American Journal of Cultural Sociology*. Vol. 8. No. 3. P. 428–450. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41290-020-00112-z>
- Eyerman R. (2001) *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511488788>
- Eyerman R. (2008) *The Assassination of Theo van Gogh: From Social Drama to Cultural Trauma*. Durham: Duke University Press Books. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv11smsw3>
- Eyerman R. (2016) Kul'turnaya travma i kollektivnaya pamyat' [Cultural Trauma and Collective Memory]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. No. 5. P. 40–67. (In Russ.)
- Eyerman R. (n.d.) *Intellektualy i kul'turnaya travma* [Intellectuals and Cultural Trauma]. URL: <https://old.inliberty.ru/library/599-intellektualy-inbspkulturnaya-travma> (accessed 20.05.2021). (In Russ.)
- Eyerman R., Madigan T., Ring M. (2017) Cultural Trauma, Collective Memory and the Vietnam War. *Politička misao: časopis za politologiju*. Vol. 54. No. 1–2. P. 11–31.
- Foot K., Warnick B., Schneider S. M. (2005) Web-Based Memorializing After September 11: Toward a Conceptual Framework. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 11. No. 1. P. 72–96. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2006.tb00304.x>
- Foucault M. (1977) *Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews*. Ithaca: Cornell University Press.
- García-Gavilanes R. et al. (2017) The Memory Remains: Understanding Collective Memory in the Digital Age. *Science Advances*. Vol. 3. No 4. DOI: <https://doi.org/10.1126/sciadv.1602368>
- Golovashina O.V., Linchenko A. A., Anikin D. A. (2017) Pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne: Den' Pobedy v istoricheskom soznanii rossiyan [Memory of the Great Patriotic War: Victory Day in the Historical Consciousness of Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3. P. 123–133. (In Russ.)
- Gustafson D. (2012) Cultural Memory and the Royalist Political Aesthetic in Aphra Behn's Later Works. *Restoration: Studies in English Literary Culture, 1660–1700*. Vol. 36. No. 2 P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1353/rst.2012.0007>
- Haskins E. (2007) Between Archive and Participation: Public Memory in a Digital Age. *Rhetoric Society Quarterly*. Vol. 37. No. 4. P. 401–422. DOI: <https://doi.org/10.1080/02773940601086794>
- Hess A. (2007) In Digital Remembrance: Vernacular Memory and the Rhetorical Construction of Web Memorials. *Media, Culture & Society*. Vol. 29. No. 5. P. 812–830. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0163443707080539>
- Hilmar T. (2021) "Economic Memories" of the Aftermath of the 1989 Revolutions in East Germany and the Czech Republic. *East European Politics and Societies*. Vol. 35. No. 1. P. 89–112.

- Hoskins A. (2009) Digital Network Memory. *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Vol. 10. P. 91–108. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110217384.1.91>
- Jenkins H. (2019) *Konvergentnaya kul'tura. Stolknoveniye starykh i novykh media* [Convergence Culture. Where Old and New Media Collide]. Moscow: RIPOL klassik. (In Russ.)
- Kansteiner W., Weilnböck H. (2008) Against the Concept of Cultural Trauma. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: De Gruyter. P. 229–240. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110207262.4.229>
- Kasamara V. A., Sorokina A. A. (2014) Predstavleniya o proshlom studentov topovykh moskovskikh vuzov [Moscow Best Universities Students' Representations about the Past]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 6. P. 57–69. (In Russ.)
- Khlevnyuk D. (2019) Narrowcasting Collective Memory Online: 'Liking' Stalin in Russian Social Media. *Media, Culture & Society*. Vol. 41. No. 3. P. 317–331. DOI: <https://doi.org/10.1177/0163443718799401>
- Knudsen B. T., Stage C. (2013) Online War Memorials: YouTube as a Democratic Space of Commemoration Exemplified through Video Tributes to Fallen Danish Soldiers. *Memory Studies*. Vol. 6. No. 4. P. 418–436. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698012458309>
- Ksenofontova I. (2011) Virtualizatsiya memorial'nykh praktik: internet-sayt kak "kniga pamyati" [Virtualizatsiya Memorial Practices: the Internet Website as a "Book of Memory"]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 5. No. 6. P. 133–144. (In Russ.)
- Kukulin I. (2013) Memory and Self-Legitimization in the Russian Blogosphere Argumentative Practices in Historical and Political Discussions in Russian-Language Blogs of the 2000s. *Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States*. New York: Routledge. P. 132–149. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203083635-25>
- Lazar A., Litvak Hirsch T. (2012) Representing the Group's Cultural Trauma Online. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 15. No. 2. P. 99–102. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2011.0292>
- Lee M. (2011) Nostalgia as a Feature of "Glocalization": Use of the Past in Post-Soviet Russia. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 27. No. 2. P. 158–177. DOI: <https://doi.org/10.2747/1060-586x.27.2.158>
- Nikolayenko O. (2008) Contextual Effects on Historical Memory: Soviet Nostalgia among Post-Soviet Adolescents. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 41. No. 2. P. 243–259. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2008.03.001>
- Ostertag S. F., Ortiz D. G. (2013) The Battle over Meaning: Digitally Mediated Processes of Cultural Trauma and Repair in the Wake of Hurricane Katrina. *American Journal of Cultural Sociology*. No. 1. P. 186–220. DOI: <https://doi.org/10.1057/ajcs.2013.4>
- Papailias P. (2016) Witnessing in the Age of the Database: Viral Memorials, Affective Publics, and the Assemblage of Mourning. *Memory Studies*. Vol. 9. No. 4. P. 437–454. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698015622058>
- Recuber T. (2012) The Presumption of Commemoration Disasters, Digital Memory Banks, and Online Collective Memory. *American Behavioral Scientist*. Vol. 56. No. 4. P. 531–549. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0002764211429364>
- Saito H. (2006) Reiterated Commemoration: Hiroshima as National Trauma. *Sociological Theory*. Vol. 24. No. 4. P. 353–376. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2006.00295.x>
- Shifman L. (2014) *Memes in Digital Culture*. Cambridge: MIT Press. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9429.001.0001>
- Sztompka P. (2004) The Trauma of Social Change. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press. P. 155–197. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520936768-006>
- Trubina E. (2010) Past Wars in the Russian Blogosphere: On the Emergence of Cosmopolitan Memory. *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*. Vol. 4. P. 63–85.
- Zhukova E. (2016) From Ontological Security to Cultural Trauma: The Case of Chernobyl in Belarus and Ukraine. *Acta Sociologica*. Vol. 59. No. 4. P. 332–346. DOI: <https://doi.org/10.1177/0001699316658697>

Author bio:

Daria O. Khlevnyuk — PhD, Researcher, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** dkhlevnyuk@hse.ru. **RSCI Author ID:** [1073265](#); **ORCID ID:** [0000-0003-1019-2192](#); **ResearcherID:** [AAO-4644-2020](#).

Alisa S. Maximova — Candidate of Sociology, Researcher, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** asmaksimova@hse.ru. **RSCI Author ID:** [823027](#); **ORCID ID:** [0000-0002-6518-3317](#); **ResearcherID:** [K-6855-2015](#).

Received: 15.07.2021

Accepted: 03.12.2021